

© европа

ТРАГЕДИЯ ЛИТВЫ

Коллектив авторов

Трагедия Литвы: 1941-1944 годы

«Европа»

Коллектив авторов

Трагедия Литвы: 1941-1944 годы / Коллектив авторов —
«Европа»,

Впервые публикуемые в сборнике материалы российских архивов наводят ужас даже по прошествии 60 лет. Смерть выглядит благим избавлением на фоне тех мучений и истязаний, которым подвергались ни в чем не повинные граждане Литвы в годы нацистской оккупации. Читая показания очевидцев, перестаешь удивляться тому, что люди просили о смерти, лишь бы прекратить зверские пытки и надругательства, которым они подвергались. Поголовно истреблялись не только ненавистные советские и партийные работники и военнослужащие – «виноватые» в установлении советской власти в Литве, не только евреи, которые «виноваты» всегда и во всем, хотя бы потому, что они евреи, но и поляки, представители духовенства, душевнобольные, старики, грудные дети... Литва превратилась в «фабрику смерти». Вошедшие в сборник документы – лишь малая толика того, что хранится в архивах России, Литвы, Германии и других стран.

© Коллектив авторов

© Европа

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
№ 1	7
№ 2	9
№ 3	10
№ 4	12
№ 5	13
№ 6	15
№ 7	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Трагедия Литвы: 1941–1944 годы

Сборник архивных документов

о преступлениях литовских

коллаборационистов в годы

Второй мировой войны

ПРЕДИСЛОВИЕ

«В октябре 1943 г. меня отвезли на железнодорожную станцию Понары и поместили в бункер. Здесь немцы нас использовали для приготовления дров и сжигания трупов. В декабре 1943 г. мы были окованы в цепи и стали сжигать трупы. Вначале клали дрова, а потом трупы людей до 100 человек, обливали керосином и бензином, а затем опять накладывали трупы. Таким образом сложили около 3000 трупов, обложили кругом дровами, залили нефтью, с четырех сторон положили зажигательные бомбы и подожгли. Этот костер горел 7–8 дней... Среди этих трех тысяч сжигаемых большинство было евреи. На другом костре было сложено около 2000 трупов, по большей части красноармейцев и офицеров, а также 500 трупов монахов и ксендзов. Всего было сложено 19 костров. На этих кострах сжигали мужчин, женщин и детей...» – так описывают понарский кошмар очевидцы и участники тех трагических событий. В этом, известном всему миру местечке Литвы, в годы Второй мировой войны было уничтожено и сожжено около 100 тысяч человек. И таких литовских «местечек» было множество.

Впервые публикуемые в сборнике материалы российских архивов наводят ужас даже по прошествии 60 лет. Смерть выглядит благим избавлением на фоне тех мучений и истязаний, которым подвергались ни в чем не повинные граждане Литвы в годы нацистской оккупации. Читая показания очевидцев, перестаешь удивляться тому, что люди просили о смерти, лишь бы прекратить зверские пытки и надругательства, которым они подвергались. Многие просто сходили с ума.

Что же такого успела «натворить» советская власть в Литве всего за один год, с 1940 по 1941 г., чтобы заслужить такую ненависть литовцев, начавших кровавую бойню с приходом первых немецких солдат? Репрессии, аресты и депортации, национализация земли и собственности, конфискация имущества у зажиточных фермеров. Желание у «обиженных» поквитаться отчасти можно понять. Но разве таким образом? Ответ очевиден.

То, что происходило в Литве, не поддается никакой логике. поголовно истреблялись не только ненавистные советские и партийные работники и военнослужащие – «виноватые» в установлении советской власти в Литве, не только евреи, которые «виноваты» всегда и во всем, хотя бы потому, что они евреи, но и поляки, представители духовенства, душевнобольные, старики, грудные дети. Литва превратилась в «фабрику смерти». И разбираться в причинах этого, похоже, должны не историки, а психиатры и психоаналитики.

Период немецко-фашистской оккупации Литвы и преступления местных коллаборационистов требуют ответственных политических оценок. Что представляли собой «борцы за независимость Литвы» из числа «шаулистов», членов «Литовского национального фронта», «Национальной трудовой гвардии» и «Литовской самообороны», ставших кадровой основой полицейских батальонов? Какую гражданскую позицию занимала национальная интеллигенция? Исследования на этот счет проводились, но, видимо, недостаточно. Изучение данного

периода литовской истории в последние годы несколько продвинулось вперед, однако в основном применительно к Холокосту.

Вот что пишет специалист по тематике нацистской оккупации Линас Яшинаускас в Atgiminas: «Дискуссии – ехать или не ехать [президенту Литвы Валдасу Адамкусу] в Москву праздновать День Победы [9 мая 2005 года] – обнаружили, что наши знания о нацистской оккупации в лучшем случае ограничиваются Холокостом. Даже имеется склонность думать, что немецкая оккупация для литовцев была более благоприятной, чем советская, [так как]... физически были уничтожаемы евреи, но не литовцы». Чем окупалась «мягкость» нацистов, и так ли уж мало литовских фамилий в списках их жертв? Судя по утверждению редакции Atgiminas о том, что «литовцы плохо знают и понимают, что их ждало бы, если бы немцы победили во Второй мировой войне», необходимо непредвзятое изучение всех сохранившихся пластов документального материала о трагедии Литвы в 1941–1944 гг.

Стремление партийных идеологов в советский период лишний раз не затрагивать тему масштабного соучастия приспешников нацизма в кровавых преступлениях против мирных жителей разных национальностей на территории Литвы, Белоруссии, Латвии, России и Польши привело к тому, что с начала 1990-х годов всплеск литовского национального самосознания включал в себя отчетливые нотки русофобии и антисемитизма. Порой казалось, что все может повториться вновь. Как пишет в своей книге «Корабль дураков» Витаутас Петкявичюс – один из основателей литовского «Саюдиса», «...на третьем съезде „Саюдиса“ он [первый провозглашенный движением документ – политическая декларация перестройки] уместился в одну подлейшую фразу: „В Литве нужно поставить к стенке 200 000 коммунистов... и будет порядок“. В 1941–1944 гг. Литва уже восстанавливала таким образом свою независимость, вот только цена ей – нацизм.

Составители сборника не претендуют на полноту представленных материалов о преступлениях нацизма. Вошедшие в него документы – лишь малая толика того, что хранится в архивах России, Литвы, Германии и других стран. Очевидно, что эта работа должна быть продолжена. Хотя бы для того, чтобы напомнить людям о страданиях и боли, через которые прошло предшествующее поколение из-за фанатичного желания национально озабоченных лидеров любой ценой создать расово и национально «чистое» государство.

Подготовка сборника стала возможной благодаря поддержке некоммерческой организации – Фонда содействия «Свободная Европа».

Составители сборника выражают особую признательность руководству и сотрудникам Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Центрального архива ФСБ России, Росархива, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, предоставившим уникальные архивные материалы.

№ 1

Собственноручные показания майора литовской армии ПАШКОВА

Не ранее лета 1942 г.

Близкий фашистскому режиму режим в Литве установился в 1926 году, когда после переворота у власти стали СМЕТОНА и профессор ВОЛЬДЕМАРАС. Сначала между ними не было заметно никаких трений. Но со временем как во внутренней, так и во внешней политике взгляды диаметрально разошлись.

СМЕТОНА был сторонником умеренной фашистской диктатуры и во внутренней политике хотел работать вместе с христианскими демократами и народниками, а во внешней политике ориентировался на англосаксов.

ВОЛЬДЕМАРАС же стоял на платформе чисто фашистской диктатуры и с другими партиями общего языка не находил, а внешнюю политику ориентировал на Германию. (По договору между Литвой и Германией немцы могли покупать землю в Литве.)

СМЕТОНА имел больше сторонников, потому что его частично поддерживал литовский епископ и более пожилая часть населения, а ВОЛЬДЕМАРАС опирался большей частью на молодежь. ВОЛЬДЕМАРАС участвовал во всех торжествах, имел дар речи и становился популярнее СМЕТОНЫ, чего не могли перенести сторонники СМЕТОНЫ, в особенности его жена София и ее сестра Ядвига ТУБЕЛЕНЕ.

(Поговаривают, что жена СМЕТОНЫ имела большое влияние на управление страной, без ее ведома даже не составлялся ни один министерский кабинет. Она была властолюбива и честолюбива. Любила поиграть в карты, вино и провести один-другой часок с мужчинами. Постоянными ее друзьями были два ксендза ТАМОШАЙТИС и МИРОНАС, оба тоже любители карт, вина и женщин.)

ВОЛЬДЕМАРАС должен был из кабинета министров уйти. СМЕТОНА утвердил новый кабинет министров, а в партии «Таутинников» произошел раскол. Сторонники ВОЛЬДЕМАРАСА отделились и ушли работать в подполье. Во главе «вольдемарников» стал некий Ольгерд СЛЕСОРАЙТИС, молодой человек, мало кому известная личность, а во главе «Таутинников» стал премьер-министр ТУВЕЛИС.

СМЕТОНА менял министров, но ни внешняя, ни внутренняя политика не менялись, а между тем назревали два больших дела. С одной стороны, подпольная «вольдемаровская» организация готовила переворот в Литве (центр этой организации был [...]).

Каунасская комендатура, иначе штаб формирований «Сависавга», сформировала три или пять батальонов по 400–500 человек в каждом. При формировании батальонов думали, что они останутся в Литве и будут нести охранную службу, но немцы все сформированные батальоны выслали на фронт. Та же самая участь постигла и сформированные батальоны городов Вильно, Паневежис, Шавли, Мариамполь.

Всего таких батальонов было сформировано около 20. Но с течением времени число этих батальонов сократилось наполовину. Многие солдаты и офицеры удрали домой, а часть солдат и офицеров пошла к советским партизанам. Другая часть – раненые и убитые. Сначала во главе формирования батальонов стоял полковник БОБЕЛИС, человек довольно серьезный. Его сместил капитан КВИСЦИНСКАС, человек горячий, вспыльчивый и в высшей степени симпатизирующий немцам. Впоследствии этот самый КВИСЦИНСКАС был личным адъютантом КУБИЛЮНАСА.

В конце штаб формирований возглавлял подполковник ШПАКЕВИЧУС, человек слабой воли, трус, исполняющий все немецкие приказания беспрекословно. Впоследствии, т. е. в 1944 г, перед приходом советских войск, этот самый подполковник ШПАКЕВИЧУС командовал полком, состоящим из 4 батальонов.

Немцам этих формирований было мало. Они хотели забрать побольше литовской молодежи, и потому вербовали на всякие работы.

Р. С. Говоря о формированиях «Сависавга», нельзя не упомянуть о первом, потом переименованном в тринадцатый, батальоне. Этот батальон отличался при массовых расстрелах евреев. Он был собран большей частью из городских жителей, любящих легкую наживу, проходимцев и людей вообще с темным прошлым.

После расстрела партии евреев, уже напоенные немцами, складывали одежду расстрелянных на извозчиков, привозили в казарму, продавали и на полученные деньги устраивали пьянство, драки. Расстрелами евреев командовали немцы. К месту расстрела привозили водку и давали расстреливающим для храбрости. Потом, видимо, и сами немцы побоялись держать этот батальон в гор. Каунасе и послали на советско-германский фронт, где он почти целиком погиб. Этим батальоном сначала командовал майор ШИМКУС, потом капитан ГАСЕНАС, а кто им командовал впоследствии – не знаю.

Одним из таких формирований были т. н. подсобники «талкининкай». Сюда вербовали молодых мужчин. Они должны были ехать на фронт и там исполнять обязанности при германском военном транспорте. Но «добровольцев», т. е. тех, которые шли по приказу германских властей, мало нашлось. Тогда ловили на улицах, ходили по домам и деревням. Немцы собрали якобы литовских представителей и решили формировать литовские легионы, но немцы не нашли ни командного состава...

Существовали ли во время немецкой оккупации какие-либо подпольные партии, не знаю, ибо я к никакой ни легальной, ни нелегальной партии во всю свою жизнь не принадлежал.

Правда, в 1942 г., летом, ко мне пришли два литовских солдата, из которых одного фамилия ЮРГЕЛЕВИЧ, а другого не знаю, и просили, чтобы я пришел в 2 часа дня в дубовник поговорить о литовских делах, там меня будет ждать один человек. Но я туда не пошел и не знаю, что за человек меня просил прийти и о каких делах говорить.

ПАШКОВ

ЦА ФСБ России. Ф. 100. Оп. 11. Д. 6. Л. 255–257.

Машинопись. Заверенная копия.

№ 2

Телеграмма шефа полиции безопасности и СД Гейдриха о политике Германии в отношении «отрядов самообороны» в Прибалтике

Секретно

29 июня 1941 г.

гор. Берлин

Командиру оперативной группы полиции безопасности и СД бригадефюреру СС НЕБЕ
Командиру оперативной группы полиции безопасности и СД штандартенфюреру СС
ОЛЕНДОРФУ

Командиру оперативной группы полиции безопасности и СД бригадефюреру СС доктору
РАШУ

Командиру оперативной группы полиции безопасности и СД бригадефюреру ШТАЛЬЭ-
КЕРУ

В связи со сделанными мною 17 июля в Берлине устными заявлениями я напоминаю:

Не следует чинить препятствий самостоятельным стремлениям антикоммунистических и антиеврейских кругов к чисткам во вновь занятых областях. Напротив, их [чистки] надо интенсифицировать и там, где это требуется, направить в нужное русло, но не оставляя никаких следов, чтобы эти местные «круги самообороны» не могли позже сослаться на какое-либо распоряжение или данное им политическое обещание.

Так как такие действия, по очевидным причинам, возможны только в первое время после военной оккупации, оперативные группы и команды полиции безопасности и СД, по согласованию с военными органами, должны стремиться по возможности хотя бы во вновь занимаемых областях создавать предварительные команды, которые могли бы делать все, что требуется.

Командирами таких предварительных команд должны быть отобраны только те силы полиции безопасности и СД, которые располагают необходимой политической интуицией.

Создание постоянных отрядов самообороны с централизованным управлением пока что нужно избегать, пока что целесообразнее наблюдать погромы, проводимые местным населением, как было сказано выше.

Шеф полиции безопасности и СД ГЕЙДРИХ

РГВА. Ф. 500-к. Оп. 1. Д. 2.5 Л. 391–392. Копия. Машинопись.

Перевод с немецкого.

№ 3

Отчеты оперативной группы «А» в РСХА

Июль 1941 г.

Настроение литовского населения хорошее и пронемецкое. Литовское население не согласно с самопровозглашенным литовским правительством во главе с полковником СКИР-ПОЙ. Правительство называют неким сообществом по интересам которое в первую очередь хочет получить материальную выгоду в нынешней неясной обстановке. Бывшие литовские партии предпринимают попытки установить контакты. Римско-католический епископ БРИСГИС, который пользуется авторитетом в литовском клире, готов к сотрудничеству. Он находится в тесном контакте с генералом РАСТИКИСОМ. [...]

Форт VII в Ковно [Каунас] используется как концентрационный лагерь для евреев, он разделен на 2 отделения: 1) мужское; 2) женское и детское.

В настоящее время в форте находятся 1500 евреев. Караульную службу несут литовские охранные отряды.

В центральной тюрьме сейчас содержатся 1869 евреев, 214 литовцев, 134 русских, 1 латвиец и 16 поляков.

Запланировано создание еще одного концентрационного лагеря для евреев в форте IX крепости Ковно [Каунас]. [...]

Литовскому полицейскому аппарату, находящемуся в подчинении у оперативной команды, было поручено составить именные списки вильнюсских евреев, в первую очередь интеллигенции, политических активистов и состоятельных евреев. На его основании были проведены обыски и аресты. 4 июля было ликвидировано 54 еврея, 5 июля – 93 еврея, еврейское имущество было конфисковано. С помощью литовских полицейских чиновников проводится поимка коммунистов и агентов НКВД, которые, однако, в основной своей массе, видимо, скрылись. В то же время проводится поиск складов оружия, принадлежащего тайным военным польским организациям, о чем от литовской полиции поступают еще не проверенные сведения. Подготовлено создание еврейского квартала. По предложению оперативной команды, еврейский квартал должен быть объявлен полевой комендатурой запретной зоной для солдат вермахта.

...Положение в Ковно спокойное. Литовское население [...] в основном настроено прогермански и помогает всеми средствами немецким солдатам, полицейским органам и действующим в этом районе иными организациями. Их помощь в основном состоит в определении местонахождения и поимке литовских коммунистов, разрозненных красноармейцев и евреев. После отступления Красной Армии население Ковно спонтанно уничтожило более 2500 евреев. Еще одна большая часть была расстреляна службой вспомогательной полиции (партизанами).

Оперативная группа «А»

Местоположение гор. Рига

1. В Ковно в общей сложности было уничтожено 7800 евреев, часть во время погромов, часть была расстреляна литовскими командами. Все трупы были ликвидированы. Дальнейшие массовые расстрелы невозможны, ко мне был вызван еврейский комитет, и ему было заявлено, что мы до сих пор не имели повода вмешиваться в отношения между литовцами и евреями. Предпосылка для нововведения: создание еврейского гетто, обозначение всех евреев желтой звездой Давида размером 8 на 10 см на левой стороне груди и размещение еврейским вспомо-

гательным комитетом освобожденных, по нашему возможному приказанию, литовцами женщин и детей в новое гетто. Гетто будет располагаться в городе Вилиампоб (Viliampob) [...].

Примерно 205 литовских партизан были оставлены нами в качестве зондеркоманды и подготовлены к проведению возможных расстрелов, в том числе и в других районах [...].

В Вильнюсе тамошняя оперативная команда к 8 июля ликвидировала 321 еврея. Литовская служба порядка, которая после прекращения деятельности литовской политической полиции была отдана в подчинение оперативной команды, получила приказание принять участие в ликвидации евреев. Для этого были откомандированы 150 литовских чиновников, которые захватывали евреев и отправляли их в концлагерь, где они в тот же день были подвергнуты особой обработке. Эта работа сейчас начата, и ежедневно ликвидируется около 500 евреев, в том числе и саботажники. Примерно 460 000 рублей наличных денег, а также большое количество ценных вещей, которые принадлежали евреям, подвергнутым особой обработке, были конфискованы как вражеское имущество. [...]

Литовской стороной оперативной команде были сообщены сведения о том, что во время большевистского господства примерно 12 000 поляков создали военную организацию и организовали лагерь с оружием. Начат поиск этого лагеря.

Был достигнут прогресс в вопросе литовского стремления к самостоятельности в Вильнюсском районе, который курирует оперативная команда и военные власти. [...] В любом случае нельзя допустить создания литовской армии или военных формирований. Литовские службы предполагается разделить на 3 отдела:

- а) отдел самообороны;
- б) отдел охраны порядка;
- в) рабочий отдел.

Эти отделы находятся под немецким надзором и руководством, время от времени им можно будет выдавать оружие. Название «полиция» для обозначения отдела обеспечения порядка не было разрешено оперативной командой, т. к. определение «полиция» может использоваться только для германских частей. Роспуск литовской политической полиции прошел в Вильнюсе без осложнений, некоторые подходящие силы работают по поручениям оперативной команды [...].

Будут продолжены попытки создания из беларусов противовеса излишне активному литовскому населению. [...]

*РГВА. Ф. 500-к. Оп. 2. Д. 229. Л. 3, 4, 27–28, 32, 52–53. Копия. Машинопись.
Перевод с немецкого.*

№ 4

Приказ рейхсфюрера СС и шефа немецкой полиции в министерстве внутренних дел о задачах полиции в оккупированных территориях

Секретно

25 июля 1941 г.

гор. Берлин

Главное командование сухопутных сил № 24/41. (g)

Адресовано:

А) Главному начальнику полиции и СС 101 группенфюреру СС ПРИЮТЦМАНУ (для командования военной полиции в Кенигсберге)

Б) Главному начальнику полиции и СС 103 обергруппенфюреру СС ЕКЕЛЬНУ (для командования военной полиции в Кракове)

В) Главному начальнику полиции и СС 102 группенфюреру СС ФОН ДЕМ БАХУ (для командования военной полиции в Кракове)

Г) Высшему начальнику полиции и СС по особому распоряжению оберфюреру СС КОР-ЗЕМАНУ

Д) начальнику полиции и СС бригаденфюреру СС ГЛОБОЦНИКУ (в Люблин)

Задачи, стоящие перед полицией в оккупированных восточных областях, не могут быть выполнены только введенными и теми, которые будут еще введены в действие, подразделениями полиции и СС. Отсюда необходимо создать дополнительные охранные формирования из подходящей для нас части населения оккупированных областей, как это уже частично произошло с оперативными группами полиции безопасности. Эти охранные формирования в первую очередь должны быть созданы из украинцев, жителей прибалтийских стран и белорусов. Они должны быть отобраны из еще имеющих в наличии на местах мужчин и военнопленных-некоммунистов. При выборе имеют силу существующие между шефом полиции безопасности и командованием вермахта соглашения об освобождении от военной службы пленных, которые к ним прибыли. Дальнейшие подробности о вооружении, обмундировании, материальном и денежном обеспечении охранных формирований поступят от шефа военной полиции или шефа полиции безопасности. Следует докладывать об организации и о действиях охранных отрядов. О создании рабочей команды для строительства казарм и т. д. на востоке вам напрямую сообщит бригаденфюрер СС ГЛОБОЦНИК.

ГИММЛЕР

РГВА. Ф. 1323-к, Оп. 1. Д. 50. Л.10. Копия. Машинопись.

Перевод с немецкого.

№ 5

Приказ рейхсфюрера СС и шефа немецкой полиции в министерстве внутренних дел о создании «охранных формирований»

Секретно

31 июля 1941 г.

гор. Берлин

Главное командование № 24/II 41. (g)

А) Главным начальникам полиции и СС 101–103.

В) Главному начальнику полиции и СС Ост в Кракове, один экз. командирам военной полиции и полиции безопасности

В) Главному начальнику полиции и СС Норд-Ост в Кенигсберге. Один экз. командирам военной полиции и полиции безопасности

Для ознакомления всем высшим командирам полиции и СС, а также командирам (инспекторам) военной полиции и полиции безопасности

Относительно: «Охранных формирований» во вновь завоеванных восточных областях.

В продолжение приказа Рейхсфюрера СС О.-Кдо.1. № 24/41. (g) от 25 июля 1941 г об охранных формированиях я приказываю следующее:

1) Формирования будут называться «охранные отряды».

2) Признанные негодными кандидаты в шуцманы должны быть внесены в картотеку, и копия карточки должна быть немедленно направлена сюда, чтобы провести проверку в полиции безопасности, если такая проверка еще не была проведена на месте. Тем не менее не следует ждать результатов такой политической проверки при отборе мужчин в охранные команды.

3) Охранные отряды должны носить свою униформу, которую они получили во время службы в русской армии или во время своей предыдущей армейской службы, повязку на рукаве с надписью «шуцман», [указанием] своего персонального номера (т. е. каждый получит свой номер) и месторасположения (город, в котором он несет службу). В деревне на этом месте должно находиться название населенного пункта, где расположен окружной комиссариат. Т. е., например, должно быть написано «Шуцман 304 Рига». Все знаки различия, которые он носил как солдат русской армии или армий балтийских стран, должны быть сняты и заменены другими, в том числе и пуговицы на униформе.

4) В ближайшее время их можно вооружить только резиновыми и деревянными дубинками. Охранные отряды, которые уже сейчас для решения своих задач нуждаются в оружии, должны быть особенно тщательно проверены. В качестве оружия могут выдаваться только пистолеты или винтовки.

5) Наставниками и, впоследствии, командирами охранных отрядов являются офицеры и командиры полиции и СС и пригодные вахмистры военной полиции. Будущие командиры и младшие командиры должны быть отобраны из рядов участников охранных команд и особым образом обучены.

6) При отборе шуцманов особенно должны цениться переводчики.

7) Шуцманы вначале получают свободное снабжение, о дальнейшем поощрении за особые заслуги последует особое распоряжение.

8) Использование фольксдойчен в охранных отрядах в тех областях, из которых уже происходит их переселение, строго запрещено, так как эти так называемые фольксдойчен, которые не следуют призыву фюрера, заслуживают иного отношения.

9) Если эти отряды будут действовать целиком (не отдельными группами), я оставляю за собой право заменять их отрядами других народов.

РГВА. Ф. 1323-к. Оп. 1. Д. 50. Л. 11–12. Копия. Машинопись.

Перевод с немецкого.

№ 6

Отчет командира оперативной команды 3 о решении еврейского вопроса в Литве

Июль 1941 г.

Я могу сегодня утверждать, что цель решить еврейскую проблему в Литве выполнена оперативной командой 3. В Литве больше нет евреев, кроме тех, кто нужен для работы и их семей. Это: в Шауляе 4500 чел., в Каунасе 15 000, в Вильнюсе 15 000 [...] Эти евреи и их семьи ни в коем случае не должны быть расстреляны.

Цель сделать Литву свободной от евреев была достигнута только благодаря действиям моторизованного полицейского отряда, составленного из отборных людей под командованием оберштурмфюрера СС ХАМАННА (HAMANN), который [...] смог наладить тесное сотрудничество с литовскими партизанами и компетентными гражданскими службами [...]

В Рокискисе (Rokiskis) 3208 чел. пришлось транспортировать 4 км до того места, где они были ликвидированы. Чтобы сделать эту работу за 24 часа, пришлось использовать 60 литовских партизан из 80, которые были в наличии. Оставшиеся, которых приходилось все время сменять, вместе с моими людьми выполнили всю работу. [...]

Акции в самом Каунасе, где в нашем распоряжении находилось мало-мальски достаточное количество обученных партизан, можно рассматривать как парадные расстрелы [...].

Еще одной важной задачей, стоящей перед оперативной командой 3 [...], является проверка переполненных тюрем в некоторых городах и населенных пунктах. В среднем в каждом районном центре в тюрьмах сидит до 600 литовцев, хоть для их ареста и отсутствует реальная причина. Они были схвачены партизанами на основании обычных доносов. [...] Например, девочки в возрасте 13–16 лет были посажены в тюрьму только за то, что они, чтобы получить работу, вступили в комсомол. [...]

РГВА. Ф. 500-к. Оп. 1. Д. 25. Л. 115–117.

Перевод с немецкого.

№ 7

Спецсообщение 8-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР о зверствах в Понарах

**14 августа 1944 г.
В НКВД СССР**

В 10 км от Вильно по шоссе Вильно – Гродно, в молодом сосновом лесу расположен пос. Понары, в прошлом – место летнего отдыха виленцев.

В историю мирные некогда Понары войдут как памятник беспримерной жестокости и нечеловеческого садизма, в котором кровавые фашистские захватчики истребляли гражданское население оккупированных областей в 1941–1944 гг., как символ кровожадной сущности национал-социализма.

Слева от шоссе, у колючей проволоки, часовые. На воротах надписи: «Не подходить. Опасно для жизни. Мины».

29 января 1944 г. автомашина «Черный ворон» привезла меня с группой советских военнопленных из Виленского лагеря на запретную территорию. В центре, за двойной колючей проволокой, круглая яма диаметром в 24, глубиной в 4 м. Крупные камни образуют совершенно отвесные стены. На дне ямы – деревянная хижина-бункер, в котором мы будем жить. Единственное средство сообщения с поверхностью земли – деревянная лестница, которая нормально находится наверху и только в случаях надобности на короткое время опускается на дно ямы. Сходим вниз.

Вместо первого приветствия нас заковывают в цепи, которые плотно обжимают ноги чуть пониже колен и не дают возможности сделать шаг более полуметра.

После этого шеф-штурмфюрер держит речь: «Вы будете работать на специальной работе государственного значения, поэтому во избежание побега вы закованы в цепи. Бежать не пытайтесь, так как никто никогда не убежал из Понар и не убежит. За попытку снять цепи – расстрел. Работайте хорошо. Иначе за саботаж – расстрел. Всякие распоряжения выполнять безоговорочно, иначе расстрел...», и далее длинное перечисление всех возможных нарушений порядка, за которые – смерть. Невольно возникает мысль: «А возможно ли вообще выбраться отсюда живым?» Ответ ясен. Если и возможно, то во всяком случае не следуя указаниям штурмфюрера, а наоборот, нарушив основные из них.

Идем на работу. Котлован диаметром до 100 м засыпан песком. Если снимешь пару лопат песка, то обнаруживаются... разложившиеся трупы людей; по немецкой терминологии, «фигуры». Рядом с котлованом сооружен очаг. Этот деревянный помост 7 x 7 метров с трубой посередине.

Наша работа состоит в следующем:

Нужно очистить фигуры от песка. Из плотно слежавшейся массы фигур железными крюками вырывают одну. На носилках перенести фигуру на очаг, где они укладываются елями, плотно, одна к другой. Когда слой готов, его обкладывают сверху еловыми ветвями, сухими поленьями и поливают горючим маслом. Сверху кладут следующие слои. Когда костер содер-жит 3500 фигур, его обкладывают по бокам сухими термитными шашками и поджигают. Фигуры горят более 3 суток – до тех пор, пока не останется груды пепла с пережженными костями. Кости эти толкут трамбовками до состояния порошка. Порошок лопатами перебра-сывают через мелкие железные сетки для того, чтобы пепел не содержал ни одной крупной частицы, просеянный пепел смешивается с большим количеством песка так, чтобы песок даже не изменил цвета, и засыпается в котлован, из которого уже извлечены все фигуры. Смысл

особой работы «государственного значения» ясен. Убийцы пытаются скрыть следы своих преступлений. Штурмфюрер не скрывает этого.

Он говорит: «Вражеская пропаганда распространяет слухи о том, что в Понарах лежит 80 000 расстрелянных. Чепуха! Пусть через пару месяцев ищут, кто хочет и как хочет, ни одной фигуры здесь не найдут». Возразить ему нечего.

Какова емкость Понарских ям, точно сказать невозможно. Немцы называли цифру 80 000. Из них 55 000 тысяч евреев. Несколько тысяч (до 10 000) русских, литовцев и людей различных национальностей. Остальные поляки. Меньшая часть расстреляна в одежде, больше фигур в белье. Большинство совершенно нагие.

Одна из ям содержала 250 трупов совершенно голых женщин. У многих женщин завязаны глаза. У мужчин часто связаны за спиной руки. Выстрелы производились в различные места, но преимущественно в затылок и чуть ли не в упор.

Часть фигур убита простыми, часть – разрывными пулями. Встречаются трупы с вывалившимися языками – признак удушения. Есть фигуры с переломанными ногами, руками.

В одной из ям несколько сот духовных в рясах, в облачениях, с крестами с изображениями Божьей Матери в руках. Было несколько сот советских военнопленных, в большинстве командный состав.

Встречались среди трупов матери с грудными детьми на руках. Попадались костыли, протезы. В звериной жажде крови гитлеровские палачи не щадили ни старых, ни малых, ни калек, ни инвалидов. У малых детей часто совершенно разmozжен череп. Убийцы для экономии пуль, взяв детей за ноги, разбивали им головы о деревья.

Фигуры различной давности. Начав работу в 1941 г, немедленно по приходе немцев, Понарская бойня функционировала и в 1944 г. «Экзекуции», выражаясь языком штурмфюрера, продолжались и при нас. Экзекуция – это массовый расстрел. Группа безоружных людей, часто со связанными за спиной руками, подгоняется к краю ямы и расстреливается из автоматов. Оставшиеся в живых «одиночки» добиваются из пистолетов. Таким способом за последнюю неделю марта 1944 г. было ликвидировано: 450 евреев (мужчин и женщин), 50 цыган (5 мужчин, остальные – женщины и дети) и 15 поляков (мужчин и женщин).

Эти фигуры вообще песком не засыпались, еще свежие, истекающие кровью фигуры, укладывались нами на костры и сжигались.

За декабрь 1942 г. и январь 1944 г. было сожжено всего 18 000 фигур. За время по 15 апреля 1944 г, при участии автора этих строчек, сожжено 38 000 фигур, сколько их еще осталось – неизвестно, но точно известно, что все это невинные жертвы озверевших бандитов, вся эта бессмысленно пролитая кровь вопиет о мщении. За каждого ребенка с разmozженной головой гитлеровские садисты должны дать ответ. Весь мир должен узнать о гестаповских злодеяниях. Ради этого группа советских людей, несмотря на бдительный надзор начальства, закопала в песок в известных местах и не сожгла несколько десятков фигур.

Во имя этого группа советских людей выполняла все распоряжения штурмфюрера и, сжав зубы, терпела. А вытерпеть пришлось немало.

Всего в Понарском крематории работало в последнее время 80 человек (76 мужчин на фигурах, а 4 женщины готовили пищу, носили воду, дрова и т. д.), около 50 были узниками Виленского гестапо, 15 человек из провинциального городка Жезмор и 15 советских военнопленных. Охрану несли немцы из частей СС (более 50 человек). Руководили работами гестаповцы из отдела СД. Во главе стоял штурмфюрер.

Как относились немцы к понарским рабочим, советский человек представить себе не сможет. Несколько приведенных ниже фактов дадут лишь слабое отображение тех непрерывных издевательств и унижений, которые пришлось нам перенести за время работы в Понарах.

Арийцы – народ чистый, рабочие – нечистый, поэтому никакое соприкосновение недопустимо. Для спуска в жилую яму была отдельная лестница для рабочих и отдельная для немцев.

Немцы не касались нашей, а нам было запрещено касаться немецкой лестницы. Если немцу нужно передать что-либо рабочему, то он не передает из рук в руки. Рабочий должен подставить шапку, и немец бросит в нее, что нужно. Если немцу нужно пройти мимо, то он палкой отстраняет рабочего на почтительное расстояние и проходит. Проверка цепей, которая производилась по несколько раз в сутки, осуществлялась также при помощи палки. Нечего и говорить о том, что эта же палка ходила по нашим плечам и для ускорения, если рабочий ходит недостаточно быстро, и для разъяснения, если рабочий не понял, чего от него хотят, и во многих других случаях.

Основными словами лексикона шефов было немецкое «ранн» – «беги», польское «прендзей» – «скорей» и русский мат. Время от времени более длительные реплики, обязательно с участием слова «саботаж».

Работа сама по себе тяжелая – класть фигуры на носилки и выносить вверх из ямы в течение целого рабочего дня, не имея права остановиться и передохнуть ни секунды, – безмерно утяжелялась обстановкой. Смерд разлагающихся нескольких тысяч фигур был переносимым. Фигуры 1941 г. разложились до состояния кашеобразной массы.

Берешь за голову – череп разваливается и руки покрываются человеческими мозгами. Берешь за руку, она ползет, как студень, и отрывается от туловища. Ноги чуть ли не до колен проваливаются в массу гниющих останков.

Многие фигуры приходилось собирать чуть ли не по косточкам, часто навалишь на носилки какую-то грудку и не можешь определить, сколько же в ней фигур. Свежие фигуры 1943 г. не так разложились, но носить еще более неприятно. Кто-либо из рабочих виленцев по платью, по волосам распознает в фигурах своих знакомых или родных. Один из активных участников побега, виленский рабочий ДОГИМ, ныне находящийся в партизанском отряде Невского, бригада Ворошилова, собственными руками вытащил из земли и отправил на костер тела жены, матери и двух сестер. Многие находили жен, детей, родителей. Нетрудно себе представить, какое настроение охватывало в такие дни наш лагерь и с каким чувством глядели мы на шефов.

Особого напряжения достигала работа, когда приходил штурмфюрер. Этот аристократ был всегда щеголевато, с иголочки одет. Белые перчатки чуть ли не до локтя, сапожки блестят. Опрыскан духами так сильно, что духи заглушают даже зловонные ямы. Он становился наверху и наблюдал за каждым из нас, выбирая кандидатов в «лазарет».

Дело в том, что когда человек заболел и не был в состоянии работать, то его отправляли в «лазарет». Обыкновенно в воскресенье снимут с человека цепи, выведут наверх из жилой ямы, отведут недалеко, мы слышим выстрел, и больной «излечен». Даже доктор специальный для таких случаев был, с автоматом. После пары таких «излечений» люди болеть перестали. Автору этих строк также пришлось работать два дня с температурой в 39° и делать при этом бодрый вид.

Но штурмфюрер не удовлетворялся. Дабы держать рабочих в надлежащем страхе и повиновении, он сам стал назначать «больных» и «на другую работу». Одному «больному» еще в субботу объявили: «Завтра ты поедешь в лазарет». Обреченный пробыл с нами весь вечер. Был спокоен. Желал нам дожить до свободы, дожидаться Советов. В воскресенье утром нас выстроили. Долго ходили вдоль шеренги и отобрали еще одного больного и 2-х – «на иную работу». Со всех сняли цепи и вывели наверх. Четыре выстрела прекратили их страдания.

Особенно ненавидят немцы интеллигенцию. В группе военнопленных был молодой способный советский инженер Юрий ГУДКИН. К несчастью, в лагере военнопленных, отправляя ГУДКИНА в Понары, упомянули об этом. Штурмфюрер был доволен чрезвычайно. «Ага! Здесь есть инженер!? Кто инженер? Выйдите вперед! Здесь, знаете, работа не для Вас! У нас работа грязная, для культурного человека не подходит. Мы Вам дадим работу по специально-

сти!» С ГУДКИНА сняли цепи, вывели наверх. Выстрел. Все. Такая же участь постигла и двух студентов из числа военнопленных.

К Москве штурмфюрер также питал особые симпатии. Во всяком случае при приходе всякого рода обозревателей он неизменно подводил их к автору этих строк и рекомендовал: «А вот этот прибыл к нам из люксус-города Москвы».

Понятно, что в присутствии штурмфюрера люди, выбиваясь из последних сил, бегали чуть ли не бегом. Призрак «лазарета» неотступно следовал за нами. И при всяком построении, когда штурмфюрер, обходя ряды, сверлил глазами каждого по очереди, все знали – ищет, выбирает. А он, обойдя ряды, приветливо спрашивал: «Хорошо ли вам живется?»

Всем ли довольны? Все ли здоровы? Не надоела ли кому работа?» И все должны расссыпаться в благодарностях и славословить его заботу о «недостойных» рабочих.

Однажды, когда усталые, измученные мы, вернувшись с работы, выдержали подобный допрос, финал оказался неожиданным: «Так вы хорошо живете? А отчего же вы песен не поете?! Пойте песни!» И мы пели. Еврейские, русские. Это нужно было видеть. Наверху, на поверхности земли этакий франт чуть не лопається от удовольствия, а на 4 метра под ним, законные в цепи, измученные люди поют песни.

В хорошем настроении штурмфюрер утешал нас: «За себя не беспокойтесь. До первого июня здесь работы хватит. И если с вами до этого срока хоть что-нибудь с кем-либо из вас случится, то все мы, – тут он показал на СС-овский конвой, – тоже будем расстреляны».

Конвоиры были проще и, несмотря на запрещение вступать с нами в какие бы то ни было переговоры, время от времени проговаривались и открыто называли нас фигурами. Проходишь с фигурой мимо конвоира, а он подбодряет: «Неси, неси, скоро тебя так понесем».

Все рабочие, конечно, ясно представляли себе свое положение. Мы видели гестаповский секрет большого политического значения. Гестаповцы изо всех сил пытаются скрыть свои злодеяния. Неоднократно мы слышали от них: «Мало ли кто что говорит – свидетелей нет и не будет».

«На Понары дорога есть, а с Понар – нет» и лейтмотив: «Никто не ушел из Понар и не уйдет». Ясно – наша жизнь окончится вместе с окончанием работ в Понарах. Но не в этом дело. Походив 2 месяца изо дня в день по колена в человеческих трупах – перестанешь бояться смерти. Ворочаешь фигуры, как мешок, и даже мысль не приходит о том, что это вот был человек.

Сам процесс «эзекуции» у немцев упрощен совершенно. Проще, чем убой скота на механизированном мясокомбинате. И когда мы жгли еще теплые, истекающие кровью трупы людей, крики которых мы слышали еще вчера, – переход от жизни к смерти казался незначительной мелочью. Если добавить к этому физическое изнурение, дурман от трупного запаха и моральное состояние, угнетенное месяцами издевательств и унижений, то, нужно признать, аппетита к жизни не было вовсе. Смерть часто казалась желанным и простым выходом из положения. Многие из рабочих, потеряв волю к сопротивлению, действительно стали живыми фигурами. Но поглядишь на выложенную фигуру штурмфюрера, и в сердце закипает ненависть. Умирать – пусть. Но не как баран, не у ямы со связанными руками, получить пулю в борьбе ночью. И другое. «Никто никогда не уйдет». Уйти. Рассказать первому встречному, кричать на весь мир о том, что мы видели в Понарах. Разоблачить перед всем человечеством гнусность всех этих штурмфюреров, чтобы во всем советском народе заклокотала та ярость, которая душила нас по ночам, священная ярость мщения, мощный порыв которой сметет с лица земли всю гитлеровскую нечисть без остатка. Ненависть, только ненависть дала силы не только перенести кошмар понарского быта, но и провести тяжелую и сложную работу по нашему освобождению.

Штурмфюрер каждым своим заявлением вливал в нас новые силы. Пусть не все, пусть хоть один из нас, но должен уйти, чтобы разоблачить Понарский крематорий. Как уйти? Вверх

4 метра отвесных камней. Наверху проволока, мины, постовые. Вверх пути нет. Значит, нужно идти вниз.

29 января мы прибыли в Понары, 1 февраля работа по освобождению уже кипела. На дне нашей ямы была дощатая кладовая 1,5 на 1,5 метра, в которой хранились продукты.

Кладовая эта была перегорожена пополам. Спереди лежали продукты, а между двумя задними стенками образовался ящик, со всех сторон укрытый от глаз немцев. Две доски, оттягиваемые с одной стороны, представляли из себя потайную дверь. Под этим ящиком был вырыт колодезь глубиной в 2,3 метра с тем, чтобы дно его было ниже основания каменной стенки, окружающей наш бункер. А затем был прорыт канал вбок, с уклоном вверх, длиной в 30 метров.

Это было очень нелегко. Большинство рабочих считали всю затею невыполнимой. Грунт песчаный. Брать его легко просто руками, но на место выбранного песка сверху осыпается все новый и новый. Потребовались укрепления.

На потолок клали доску длиной 70 см и подпирали ее сосновыми стойками высотой 65 см. Нужно было заготовить доски (7–8 штук на погонный метр канала), стойки (1416 штук на метр канала) и вынести песок. И все это незаметно для немцев, которые постоянно торчат наверху у края ямы, заглядывают вниз и каждые пару часов спускаются проведать и проверить нас. И это при условии, что никаких инструментов нам иметь не разрешалось и при наличии среди нас «пресмыкающихся», которые в животном страхе перед немцами неодобрительно относились к подкопу. Но ненависть оказалась сильнее всех препятствий, сильнее физического изнурения. Группа энтузиастов начала работать.

Инструментальной кладовой для нас были... фигуры. Под бдительным надзором шефов мы ухитрялись извлечь из карманов нераздетых фигур ножики, ножницы, напильники, свечи, кусачки. Под видом дров заготавливали стойки, якобы для ремонта нар носили дрова. Вечером для звукомаскировки все хором поют, а один, забравшись под нары, ручной пилой пилит доски и стойки.

В канал протянули электрическое освещение (одна лампочка была на 13, а вторая – на 25 м канала). Как немец опускает лестницу вниз, лампочка в канале начинает мигать. Работники канала выскакивают наверх. В случае подсчета все будет в порядке.

Работать в канале было невероятно тяжело. Воздуха почти не было. Ни спички, ни зажигалки в канале не горели. Поработав в канале час-полтора, люди едва не теряли сознание, и все же вернувшись с изнурительной работы на фигурах, смена, не обедая (есть перед работой в канале невозможно, вырвет обязательно), спускались в шахту. Изо дня в день, с 5 до 9 и с 3 до 6 часов утра продолжалась работа.

Нельзя сказать, что все шло гладко. Не раз песок, обвалившись сверху, засыпал работника так, что приходилось откапывать и вытаскивать за ноги. Не раз заваливались стойки, оседали доски и, казалось, что вся работа пропала. Несколько раз удавалось высочить из колодца лишь за пару секунд перед появлением все подозревающих, ко всему придирающихся конвоиров. Не раз «пресмыкающиеся» в панике уговаривали отказаться от бредовой затеи. Мы не сдавались. Песок рассыпался всюду. Дно нашей ямы постепенно поднялось на 10 см. Песок был под нарами, между двойными стенками, под соломенной крышей жилого бункера. Песок выбрасывался в уборную, вытаскивали с мусором. Сантиметр за сантиметром, ценой недоедания, бессонницы, отдавая последние силы, мы продвигались вперед. Лучше задохнуться в канале, чем стоять бараном у края ямы, чем идти в «лазарет».

Трудности были не только физического порядка. Проходя на работу, мы наметили место выхода на поверхность. Единственное малозаметное для охраняющих нас конвоиров место в склоне горы, за пнем. Спрашивается, как угодить в это место? Снаружи расстояние определяли на глаз. Измеряя шагами, ограниченными цепью. Направление брали по компасу, украденному у гестаповцев. Внизу канала мерили стальным метром, найденным у фигур, горизон-

тальные углы определялись, конечно, тем же компасом, а для определения высоты подъема соорудили ватерпас. Данные наружных измерений были, конечно, достаточно приблизительными. В связи с этим в начале апреля в работе возник кризис. С одной стороны, стало ясно, что работы на фигурах заканчиваются. Приближалась наша очередь гореть на костре. С другой стороны, работники выбились из сил.

Послышались реплики: «Ни черта не выйдет, 2 месяца копаем, ни конца, ни краю не видно. Ни туда идем. Компас врет. Нужно повернуть обратно». И в результате: «С нас довольно. Поработали, пусть работают другие». Потребовалось немало силы воли, упрямства, настойчивости, чтобы побороть этот кризис.

9 апреля мы обнаружили корень желаемого пня. Стало ясно, что мы пришли точно в намеченное место. 12 апреля из канала проткнули медную трубочку вперед и вверх. После полуметра песка оказался воздух.

Строители канала пожали друг другу руки. Технически вопрос был решен. Осталось организовать выход. Следует иметь в виду, что среди нас были и старики, что подавляющее большинство представляли люди сугубо штатские.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.